9
Р-89

(Годъ сороковой).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

2.

Стр.

193. Къ исторіи Черноморскаго флота (1768—1816). **Д. М. Аѳанасьева.**

263. Императоръ Александръ I-й въ Севастополѣ. 1818 и 1825. Изъ дневника **И. Х. Сиверса.**

269. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1832-й годъ. (А. Ѳ. Брокеръ и графъ А. Ѳ. Растопчинъ.—Дворянскіе выборы. — Кончина И. А. Рушковскаго.—Назначеніе Московскимъ почт-директоромъ.—Государь въ Москвѣ.—Графъ М. С. Воронцовъ.—Англійскій клубъ).

326. Изъ Записокъ **М. С. Сабининой.** 1860. (Листъ. — Поступленіе ко двору).

337. Подлинный портретъ Іоанна Грознаго. Замѣтка **Д. М. Глаголева.**

338. Два упраздненныхъ монастыря. Статья **А. А. Титова.**

351. Старинный наборъ Ерофеича. **Его же.**

353. Письмо Л. С. Пушкина къ П. А. Плетневу (1844).

354. Текстъ Пушкинской Русалки. Статья **В. Я. Брюсова.**

361. Кормилица императора Александра Николаевича.

362. Письмо **И. С. Аксакова** къ Г. П. Галагану (1879).

366. Замѣтка о Кайсаровыхъ. **В. С. Иконникова.**

367. О письмахъ И. С. Тургенева. **В. Б.**

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

2 1948

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1860-й годъ [1]).

15-го Іюня. Листъ привелъ ко мнѣ біографа Бетховена, В. Ф.-Ленца[2]) изъ Петербурга. Его книга, состоящая изъ восьми частей, можетъ служить вѣрнымъ указателемъ чиселъ и годовъ возникновенія сочиненій Бетховена; но общія замѣчанія, касающіяся каждаго сочиненія, односторонни и для музыканта не могутъ служить руководствомъ.

Такъ какъ для здоровья отца необходима была перемѣна климата, то въ половинѣ Мая родители мои уѣхали въ Іену, чтобы пользоваться горнымъ воздухомъ, а въ началѣ Іюня уѣхали еще дальше въ горы, въ Фридрихсрода, въ Тюрингенскомъ лѣсу. Старые хвойные лѣса, окружающіе эту деревушку, превратили ее въ извѣстный курортъ.

17-го Іюня. Я поѣхала въ Фридрихсрода, чтобъ повидаться съ моими родителями и отдохнуть. Въ горахъ было такъ свѣжо, что 1-го Іюля сталъ было падать снѣгъ; одной изъ моихъ сестеръ, которой докторъ прописалъ такъ называемыя Wellenbäder (эта искусственная волна образуется отъ паденія горнаго ручья черезъ двигающееся мельничное колесо) пришлось купаться въ водѣ, имѣвшей всего 2° тепла.

Укрѣпляющій горный воздухъ благодѣтельно подѣйствовалъ на меня, и 3-го Іюля я поѣхала въ Либенштейнъ (Liebenstein), любимое мѣстопребываніе Берлинцевъ и Гамбургцевъ, близъ котораго находится дворецъ Альтенштейнъ, принадлежавшій герцогу Мейнингенскому и служившій ему лѣтней резиденціей. Я жила у своихъ друзей Ф.-Гопфгартенъ и Надинъ Коніаръ изъ Петербурга, которая часто бывала въ Веймарѣ. Между пріѣзжими больными оказался одинъ весьма бѣдный человѣкъ, который вскорѣ умеръ, не оставивъ ни гроша ни на свои похороны, ни на возвратный путь своей жены. Здѣсь же были двѣ молодыя дѣвицы, пріѣхавшія изъ Гамбурга, пѣвицы-дилетантки, съ которыми я познакомилась и предложила имъ устроить музыкальное утро въ пользу несчастной вдовы. Наслѣдный принцъ Мейнингенскій, узнавъ объ этомъ, очень любезно предложилъ мнѣ прислать для кон-

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1901, III 422.

[2]) См. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878 г. его „Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ“. П. Б.

церта свой Эраръ. Правленіе Либенштейна также весьма любезно предоставило въ наше распоряженіе большую залу кургауза. Сверхъ всякаго ожиданія публики набралось очень много, пріѣхалъ весь Мейнингенскій дворъ и съ ними старикъ герцогъ Бернгардтъ Веймарскій, извѣстный по изданнымъ его путешестіямъ по Индіи, и сынъ его Германъ, состоящій на Вюртембергской службѣ и женатый на сестрѣ Вюртембергскаго короля, принцессѣ Паулинѣ. Впослѣдствіи я имѣла съ нимъ много дѣла во время Франко-прусской войны, когда онъ былъ Вюртембергскимъ уполномоченнымъ Краснаго Креста. Тѣ годы, которые герцогъ Бернгардтъ провелъ въ Индіи, въ качествѣ Голандскаго намѣстника, семейство его провело въ Веймарѣ, гдѣ они жили прямо противъ нашего дома; объ его дочери, принцесса Амалія, впослѣдствіи за принцемъ Генрихомъ Нидерландскимъ, и принцесса Анна, скончавшаяся дѣвицей, принимали участіе въ моемъ музыкальномъ кружкѣ; онѣ были очень просто и благоразумно воспитаны своей матерью, герцогиней Идой, рожденной принцессой Мейнингенской.

12-го Іюля я вернулась въ Веймаръ, гдѣ очень много занималась музыкой; только три раза въ недѣлю мнѣ приходилось ѣздить на лошадяхъ въ Эттерсбургъ, чтобы давать уроки принцессамъ Саксонскимъ Маріи и Софіи. Наконецъ мое время отдыха настало, и 24-го Іюля я отправилась въ Эйзенахъ на дачу моего друга Анны фонъ-Эйхель, откуда все-таки мнѣ приходилось ѣздить на лошадяхъ въ Вильгельмсталь, прелестный лѣтній замокъ великаго герцога, куда его семейство переѣхало изъ Эттерсбурга.

9-го Августа. Мы съ Анной ф.-Эйхель поѣхали въ Эйзенахъ на балъ, данный въ честь графа Парижскаго и герцога Шартрскаго, которые, въ первый разъ послѣ смерти ихъ матери, герцогини Елены Орлеанской, заѣхали въ Эйзенахъ, чтобы повидаться со своими друзьями и посмотрѣть на мѣста, гдѣ они жили съ матерью.

Большое удовольствіе доставило мнѣ посѣщеніе Вартбурга близъ Эйзенаха: реставрація была почти окончена, фрески Швинда уже всѣ готовы, недоставало только мелкой орнаментаціи на лѣстницѣ и въ коридорахъ. Меня восхищали ковры, разрисованные медовыми красками на толстомъ парусномъ холстѣ, по средневѣковымъ рисункамъ, и снабженные широкими полосами, на которыхъ готическими буквами были написаны изрѣченія, пословицы и короткія четверостишія минезингеровъ, принимавшихъ участіе въ пѣвческихъ состязаніяхъ въ Вартбургѣ.

21-го Сентября. Вечеромъ былъ у меня Листъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что три дня тому назадъ онъ написалъ свое духовное завѣщаніе на 12 страницахъ. «Я все обдумалъ», сказалъ онъ, «и въ любую ми-

нуту готовъ переселиться въ вѣчность; я много надъ собою поработалъ за послѣднія 25 лѣтъ. Я знаю, что во многомъ былъ неправъ, и каюсь въ этомъ, но жизнь моя не удалась. Когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, я просилъ моего отца разрѣшить мнѣ сдѣлаться священникомъ; но не только онъ, но и моя мать, которая такъ удивительно добра, и мой духовникъ были противъ этого и требовали, чтобы я продолжалъ свою артистическую дѣятельность. Разъ это такъ, то вы понимаете, что во мнѣ настолько честолюбія, что я стремлюсь достигнуть возможно-бо́льшаго превосходства въ своемъ искусствѣ. Я въ высшей степени честолюбивъ и не могу переносить, чтобы кто-нибудь былъ со мной на одномъ ряду; но если меня хорошо знать, то на самомъ дѣлѣ я только охраняю даръ, полученный отъ Бога. Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, что̀ я живу для княгини; но мои дѣла такъ запутались (онъ говорилъ о разводѣ), что я нахожусь въ постоянной борьбѣ, и, не смотря на то, нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы больше чѣмъ я желалъ жить спокойно. На дняхъ я сказалъ великому герцогу, что насколько я покоренъ волѣ Божіей, настолько готовъ рѣшительно бороться (aussi résigné que résolu à lutter). Въ теченіи уже многихъ лѣтъ жизнь моя ужасна: невозможно сказать, до какой степени я страдаю, и чтобы поддержать себя и имѣть силу переносить постигающія меня несправедливости, мнѣ необходимо работать безъ конца».

Въ двухъ часовомъ разстояніи отъ Веймара находится имѣніе Османштедтъ, принадлежавшее когда-то поэту Виланду и гдѣ находится его могила. Его единственный внукъ и потомокъ, котораго я еще знала, скончался отъ чахотки, и послѣ него имѣніе перешло въ руки Шотландца мистера Гранта, который былъ женатъ на моей подругѣ, Ольгѣ фонъ-Вегнеръ. Она принадлежала къ тѣсному кругу нашихъ друзей, очень любила музыку, хотя исполняла ее слишкомъ по-англійски; зи́мы она почти ежегодно проводила въ Римѣ, гдѣ всѣхъ и все знала. Она давно уже звала меня къ себѣ въ Османштедтъ, и я наконецъ хотѣла исполнить ея просьбу, и мистеръ Грантъ пріѣхалъ за мной. Листъ, давно собиравшійся ее навѣстить, тоже собирался ѣхать съ нами, но за часъ до отъѣзда я получила отъ него слѣдующую записку:

Chère mademoiselle Martha!

Le plaisir que je me promettais de passer une couple d'heures avec vous cette après-midi à Osmannstedt ne pourra malheureusement pas se réaliser. C'est aujourd'lui le jour de mon courrier de Rome, et celui de ce matin (plus considérable encore que d'ordinaire) m'oblige à passer toute cette journée chez moi tant pour y répondre, que pour

m'acquitter de diverses commissions dont on me charge. Cette obligation est d'autant plus urgente que je dois partir dans la nuit pour Sondershausen (où il y a demain un concert, dont le programme a été arrangé en mon honneur). En fait de communication et correspondance Sondershausen c'est le *bout* du monde!

Veuilliez donc bien, chère mademoiselle Marthe, m'excuser et faire agréer tous mes regrets à madame et monsieur de Grant, auxquels je demeure fort obligé de leur aimable invitation. J'ai appris par madame de Vatzdorff que madame de Grant me faisait l'honneur de chanter délicieusement un de mes *Lieder*. J'espère ne pas être toujours privé du plaisir de l'entendre, et en attendant je vous prie de lui présenter mes respectueux remerciements. Mille choses sincèrement affectueuses et cordialement dévouées. Samedi, 22 Septembre 60. F. Liszt.

P. S. Peut-être vous intéresserait-il de lire dans *l'original* la correspondance du comte Cavour avec le cardinal Antonelli. La langue italienne y ajoute un cachet particulier, ce me semble, et je vous envoie le Giornale di Roma, en vous priant de me le remettre occasionnellement.

24-го Сентября. Ко мнѣ пришелъ бывшій секретарь нашей покойной великой княгини Р. К. Фелейзенъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, сколько я желаю получить подъемныхъ денегъ для поѣздки въ Петербургъ. Я съ удивленіемъ на него посмотрѣла и сказала, что я и не думаю ѣхать въ Петербургъ, а собираюсь въ Парижъ и Лондонъ; но онъ упорно продолжалъ меня увѣрять, что я ѣду въ Петербургъ, и очень скоро, съ назначеніемъ на службу къ Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ. Я пошла къ отцу въ кабинетъ и, переговоривъ съ моими родителями, рѣшила ждать, что будетъ.

Черезъ два дня я получила письмо отъ Анны Ѳеодоровны Тютчевой*), въ которомъ она мнѣ сообщала, что Императрица Марія Александровна выбрала меня для музыкальнаго образованія ея дочери, но съ тѣмъ, чтобы я жила въ Зимнемъ дворцѣ или въ загородныхъ дворцахъ, слѣдуя за ними.

На слѣдующій день я отправилась въ Эйзенахъ, чтобы просить свою отставку у великой герцогини Софіи, которая жила въ то время въ Вильгельмсталѣ. Она отпускала меня съ большимъ сожалѣніемъ, зная, что противиться этому нельзя; но при этомъ я узнала, что уже нѣсколько мѣсяцевъ велась переписка съ цѣлью имѣть всевозможныя свѣдѣнія о моей личности, и что назначеніе мое въ Петербургъ нисколько ихъ не удивило.

*) Въ Веймарѣ въ то время Русскимъ министромъ-резидентомъ былъ Мальтицъ, женатый на родной теткѣ А. Ѳ. Тютчевой, сестрѣ ея матери. П. Б.

Я остановилась у моего друга, Анны фонъ-Эйхель, и на другой день (27-го Сентября) къ намъ пріѣхалъ великій герцогъ въ сопровожденіи Вальтера фонъ-Гёте. Веймарскій дворъ находился въ тѣсномъ родствѣ съ нашимъ дворомъ, и они горячо любили нашего Государя и его семью. Когда Государь бывалъ съ гросъ-герцогомъ, то смѣху не было конца. Видно было, что великій герцогъ лелѣялъ мысль еще ближе соединить родственныя узы съ нашимъ царствующимъ домомъ, надѣясь достигнуть этого посредствомъ брака своего единственнаго сына на единственной дочери Государя. Если ему это не удалось, то это слѣдуетъ приписать только разнородности характеровъ молодыхъ людей.

29-го Сентября я возвратилась въ Веймаръ, а 30-го получила офиціальную бумагу о моемъ назначеніи.

Листъ былъ очень доволенъ, что я оставляю Веймаръ; онъ всегда говорилъ, что оставаться въ томъ-же городѣ, гдѣ учился, значитъ киснуть, и что, для того, чтобы узнать свои силы и знаніе, надо пробить себѣ дорогу въ чужой обстановкѣ. Онъ никакъ не хотѣлъ повѣрить, что я не искала этого мѣста; но я сама была такъ поражена своимъ назначеніемъ, что въ концѣ концовъ онъ понялъ, что и для меня это было совершенно неожиданно.

Всѣ мои Веймарскіе друзья, Анна фонъ-Ейхель въ особенности, очень горевали о моемъ отъѣздѣ и увѣряли, что ихъ всѣхъ соединяетъ совсѣмъ особенная жизнь, когда я съ ними. Мнѣ самой было очень тяжело разставаться съ Веймаромъ и, главное, съ моею семьей, которую я страстно любила, особенно моего бѣднаго отца, который въ то время былъ уже очень слабъ. Онъ меня очень любилъ и гордился мною. Если бы отъ меня зависѣло, я, кажется, отказалась-бы отъ этого назначенія, такъ мнѣ было тяжело разставаться со всѣми тѣми, кого я любила; но видя, что мои родители желаютъ, чтобы я приняла это назначеніе, я рѣшила, что такъ должно быть, и старалась преодолѣть тоску, которая преслѣдовала меня первое время.

2-го Октября. Я отправилась съ матушкой въ Лейпцигъ, чтобы снарядиться для Петербурга, такъ какъ въ Лейпцигѣ именно въ это время происходила извѣстная Лейпцигская ярмарка, на которую стекались купцы со всего свѣта и все было гораздо дешевлѣ, чѣмъ въ обыкновенное время въ магазинахъ. Мы цѣлый день ходили изъ одной лавки въ другую, а такъ какъ, на время ярмарки, обыкновенныя комнаты отъ перваго до четвертаго этажей превращаются въ магазины, то иногда стоило много времени и труда отыскать ихъ. Мы провели тамъ цѣлый день, чтобы сдѣлать необходимыя закупки и съ ночнымъ поѣздомъ вернулись обратно въ Веймаръ.

Затѣмъ я провела два дня въ Ейзенахѣ, чтобы проститься съ семействомъ великаго герцога и съ моими Ейзенахскими друзьями. Гросъ-герцогиня напутствовала меня словами, что если я когда-либо вернусь въ Германію, то я принадлежу ей, а не кому-нибудь другому.

Великая герцогиня была озабочена тѣмъ, кому-бы ей поручить дальнѣйшее музыкальное образованіе ея дочерей, съ которыми я занималась съ самаго начала; положимъ, что для меня работа эта была очень скучная и нелегкая, но я предпочитала сама вести это дѣло съ начала, чѣмъ передѣлывать впослѣдствіи. По просьбѣ великой герцогини я рекомендовала ей другую ученицу Листа, за которую я могла вполнѣ ручаться, Алину Гундтъ фонъ-Гафтенъ. Это была единственная дочь одного Прусскаго помѣщика, жившая на свои средства, хорошо воспитанная и съ очень тонкой музыкальной натурой, но къ несчастью болѣзненная. По настоянію Листа она приняла это мѣсто, и такъ какъ онъ требовалъ для нея титулъ придворной піанистки, то онъ былъ ей пожалованъ; но она не согласилась взять на себя учить третью дочь великой герцогини, принцессу Елисавету, съ самаго начала, какъ я дѣлала со старшими сестрами. Тогда великая герцогиня попросила мою старшую сестру Елену Степановну взять это на себя, и она въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ занималась съ принцессой Елисаветой. Алина Гундтъ играла очень изящно, слишкомъ изящно для массы; вотъ почему, при ея застѣнчивости и нервности, игра ея не могла нравиться публикѣ, и она весьма рѣдко играла публично. Ея сочиненія указываютъ на крупный талантъ; изъ нихъ болѣе всего я люблю квинтетъ, Kaisermarsch, и самую послѣднюю ея вещь, Колыбельную пѣснь, на слова Пушкина. Если бы смерть не унесла ее такъ рано, ея имя стало-бы очень извѣстно. Между нами были отношенія, какъ между сестрами; у насъ въ семьѣ, начиная съ моихъ родителей и до младшей моей сестры, всѣ ее любили и глубоко уважали. Первоначально она играла на скрипкѣ, и играла хорошо, но затѣмъ занялась фортепіанной игрой, брала уроки у Теод. Куллака въ Берлинѣ и затѣмъ пріѣхала въ Веймаръ. Ко мнѣ она пришла съ письмомъ отъ матери Ганса фонъ-Бюлова, которая горячо мнѣ ее рекомендовала.

Отъ 7-го Октября до 14-го время пролетѣло, какъ сонъ. Въ эту недѣлю Листъ далъ мнѣ еще четыре урока, и послѣдній я брала 13-го Октября вечеромъ въ его кабинетѣ. Онъ подарилъ мнѣ большой свой портретъ, сдѣланный Ганфтстэнглемъ (Hanftstaengl) въ Мюнхенѣ, и подписалъ свой девизъ: Laborare et orare. Это былъ мой послѣдній урокъ у самаго геніальнаго и безкорыстнаго человѣка, какого я знала.

Листъ былъ въ ужасно возбужденномъ состояніи. Въ туже ночь онъ отправлялся въ Вѣну и Италію, покидая Веймаръ, гдѣ театральныя отношенія съ Дингельштедтомъ становились невыносимыми для него. Его мечта устроить въ Веймарѣ музыкальную академію не нашла поддержки въ лицѣ гросъ-герцога, который заботился лишь о томъ, чтобы упрочнить Веймарскую Академію Художествъ. Можно только сожалѣть, что величественная мысль Листа не осуществилась; онъ понималъ, что всѣ существующія консерваторіи не соотвѣтствуютъ требованіямъ времени. Драмы Вагнера доказали вполнѣ, что для ихъ содержанія и исполненія требуется совсѣмъ другое воспитаніе, чѣмъ то, которое выходило по утвержденнымъ программамъ консерваторій. Листъ считалъ, что артистъ-музыкантъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова) долженъ быть въ состояніи отвѣчать на настоящія требованія не только въ музыкальномъ отношеніи, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и общее образованіе его должно быть обширное. Чтобы создать музыкальную драму, необходимо было соединить музыканта съ поэтомъ. Чтобы исполнять эти драмы, требовались пѣвцы, выросшіе не на одной только музыкѣ Верди, Россини и т. п., но такіе, которые дѣйствительно изучили этотъ предметъ вполнѣ основательно, начиная съ классическихъ памятниковъ пѣнія. Чтобы дирижировать драмы Вагнера, оперы Берліоза, Вебера, Бетховена, нужно было воспитать такихъ капельмейстеровъ, которые изучили-бы всѣ творенія великихъ композиторовъ и были-бы въ силахъ руководить ихъ передачею.

Въ послѣдній годъ пребыванія Листа въ Веймарѣ, послѣ отъѣзда въ Римъ княгини Витгенштейнъ, для веденія общаго хозяйства на Альтенбургѣ оставалась бывшая гувернантка княгини Гогенлое, миссъ Андерсенъ, очень почтенная и преданная имъ особа. По вечерамъ, если Листъ оставался дома, онъ обыкновенно игралъ съ нею и «съ болваномъ» нѣсколько партій виста и ералаша, и иногда мои сестры помогали миссъ Андерсенъ въ этой обязанности и старались разсѣять Листа, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ результата поѣздки княгини Витгенштейнъ въ Римъ. Она, главное, надѣялась получить отъ папы разводъ; но со стороны Витгенштейновъ встрѣчались препятствія, такъ какъ они были православными. Княгиня кромѣ того обвиняла семейство Гогенлое, а главное кардинала Гогенлое въ замедленіи этого дѣла. Листъ всегда отличался живымъ и неунывающимъ характеромъ, но этотъ вопросъ былъ для него вопросомъ жизни и поколебалъ его обыкновенное расположеніе духа, что̀ выразилось въ недостаткѣ энергіи къ работѣ. Безъ сомнѣнія, княгиня имѣла громадное вліяніе на Листа, что̀ особенно было замѣтно во время ея отсутствія.

Иногда Листъ отлучался на нѣсколько дней изъ Веймара, напримѣръ, когда онъ дирижировалъ въ Бланкенбургѣ у князя Лёвенберга, страстнаго любителя музыки, который держалъ свой собственный оркестръ, бывшій въ состояніи исполнять всѣ новѣйшія произведенія. Листъ также ѣздилъ въ Берлинъ, на крестины своего перваго внука, сына Бюлова, бывалъ въ Лейпцигѣ по дѣламъ печатанія своихъ сочиненій, въ Кёзенѣ, чтобы видѣться съ маркизомъ Делапортъ, секретаремъ Французскаго посольства въ Веймарѣ. Вагнеръ, находившійся въ то время въ Баденѣ, приглашалъ туда Листа, для свиданія съ нимъ; но Листъ не поѣхалъ, отговариваясь тѣмъ, что у него тамъ слишкомъ много знакомыхъ. Въ это же время г-жа Калерджи посѣтила Листа на нѣсколько дней; при другихъ обстоятельствахъ, она бы несомнѣнно могла подѣйствовать успокоительно на Листа, но при его тогдашнемъ настроеніи ему слѣдовало работать больше обыкновеннаго, чтобы успокоить охватившее его общее озлобленіе и раздражительность. Кромѣ г-жи Калерджи, бывали у него Брендель, Поль, Бюловъ и Лассенъ, съ которыми онъ любилъ разговаривать. Къ счастью, вѣра взяла верхъ въ его душѣ и водворила спокойствіе; и его близкіе друзья съ удовольствіемъ увидѣли, что онъ опять принялся за работу и сталъ прежнимъ добрымъ и любезнымъ человѣкомъ. Но онъ не скрывалъ, что дни его пребыванія въ Веймарѣ сочтены. Жители города, которые съ гордостью считали его своимъ гражданиномъ, не на шутку испугались и рѣшили выразить ему свою преданность въ день его рожденія, 22-го Октября. Къ этому дню Листъ вернулся въ Веймаръ въ сопровожденіи Бронсара, Таузига, Дресеке, Клича, Брейделя и другихъ и, не смотря на свою усталость послѣ дороги, утромъ онъ очень любезно принялъ несмѣтное число поздравителей. Городъ поднесъ ему дипломъ почетнаго гражданина города Веймара, молодыя дѣвушки лавровый вѣнокъ на вышитой подушкѣ съ названіемъ главныхъ его произведеній; а вечеромъ устроено было факельное шествіе съ неизбѣжными рѣчами. Нужно знать пассивность и скромность Веймарцевъ, чтобы понять все значеніе устроеннаго торжества.

Послѣ этого Таузигъ оставался еще нѣсколько дней въ Веймарѣ и часто посѣщалъ наше семейство, которое восхищалось его удивительной игрой.

Приближался день моего отъѣзда, 6 (18) Октября. Понятно каждому, что мнѣ было нелегко разстаться съ семьей, друзьями и той жизнью, такой счастливой для меня, когда судьба меня баловала; я утѣшалась только мыслью, что восемь лѣтъ не вѣчность, а я приняла это мѣсто съ условіемъ, что по истеченіи этого времени я могу его

оставить. По условіямъ, служба моя должна была состоять въ томъ, что я ежедневно буду давать уроки музыки В. К. Маріи Александровнѣ, съ обязательствомъ жить тамъ, гдѣ будетъ находиться царская семья. Я знала, что въ Петербургѣ я найду своего брата Степана, который наконецъ былъ переведенъ туда, послѣ тяжелой службы въ Польшѣ; а до Петербурга меня сопровождала моя мать. Путешествіе было очень тяжелое, потому что часть дороги приходилось ѣхать на лошадяхъ, а настоящаго саннаго пути не было. Намъ часто, особенно по ночамъ, приходилось переходить рѣки пѣшкомъ, такъ какъ ледъ не былъ довольно крѣпокъ, чтобы выдержать тяжесть экипажа. На это путешествіе мы употребили семь дней, на что впослѣдствіи достаточно было шестидесяти четырехъ часовъ.

13 (25) Октября. Пріѣхавъ въ Петербургъ рано утромъ, я въ часъ дня отправилась съ моимъ братомъ въ Царское Село, гдѣ проживала царская семья. Гросъ-герцогиня Софія послала черезъ меня письма къ обѣимъ Императрицамъ; но представиться Императрицѣ Маріи Александровнѣ я еще не могла, потому что она еще никого не могла видѣть послѣ родовъ. А Императрица Александра Ѳедоровна была уже при смерти (болѣзнь ея была короткая, и никто не предвидѣлъ ея близкой кончины).

Пріѣхавъ въ Царское, я прямо отправилась къ А. Ѳ. Тютчевой, которая была очень рада моему пріѣзду; но, въ виду общей суматохи, господствовавшей во дворцѣ по случаю болѣзни обѣихъ Императрицъ, она просила меня отложить на нѣкоторое время мой переѣздъ въ Царское.

До семилѣтняго возраста Великій Князь Сергѣй Александровичъ жилъ и воспитывался вмѣстѣ съ Великой Княжной Маріей Александровной. Когда я пріѣхала, дѣти отдыхали; они обязательно должны были спать отъ 12-ти до 2-хъ часовъ дня. Великая Княжна Марія Александровна всегда укладывалась безъ разговоровъ, но живой Сергѣй Александровичъ часто бунтовалъ, и укладываніе его и засыпаніе нерѣдко сопровождались слезами.

Въ два часа явились дѣти. Маріи Александровнѣ тогда было семь лѣтъ. Она была невысокаго роста, кругленькая, и я сейчасъ еще вижу, какъ она была тогда въ синемъ бархатномъ платьицѣ, décolletée et manches courtes къ обѣду. Сергѣй Александровичъ былъ одѣтъ по-русски, въ шелковой рубашкѣ съ черными бархатными шароварами и высокими сапожками. Великая Княжна была предупреждена о моемъ

пріѣздѣ, и Анна Ѳедоровна сказала мнѣ: «Voilà votre élève», а Маріи Александровнѣ: «Voilà Marta, qui s'occupera de musique avec vous maintenant». Марія Александровна подошла ко мнѣ немного застѣнчиво, обняла меня, и знакомство было сдѣлано. Во время обѣда она сказала всего нѣсколько словъ. Сергѣй Александровичъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ; веселый и живой, онъ подошелъ ко мнѣ совсѣмъ не стѣсняясь, поцѣловалъ меня и сталъ весело разговаривать и шалить. Анна Ѳедоровна просила меня остаться съ ними обѣдать въ четыре часа. Мы обѣдали вчетверомъ. Но до обѣда я еще успѣла съѣздить въ Александровскій дворецъ, гдѣ жила Императрица Александра Ѳеодоровна, въ то время такъ тяжело больная. У меня были письма для Ея Величества и для Великой Княгини Александры Іосифовны, которая также переселилась въ Царское по случаю болѣзни Императрицы. Меня приняла состоявшая при Ея Высочествѣ г-жа Чичерина, которая знала меня еще въ Веймарѣ; она передала мнѣ, что Великая Княгиня желаетъ меня видѣть на слѣдующій день.

Послѣ обѣда мы съ братомъ пошли къ нашему дядѣ Ивану Васильевичу Рождественскому, который въ то время состоялъ духовникомъ и законоучителемъ всѣхъ царскихъ дѣтей и жилъ въ ротондѣ дворца. Онъ былъ очень радъ меня видѣть и доволенъ, что мы будемъ служить вмѣстѣ.

На слѣдующій день, 14 (26) Октября, я вернулась въ Царское, чтобы представиться Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ. Фрейлина Ея Высочества графиня А. Г. Комаровская меня приняла и представила. Великая Княгиня была еще удивительно красива. О приняла меня очень любезно и ласково. Впослѣдствіи я часто видала Великую Княгиню, и она всегда была неизмѣнно ко мнѣ милостива.

Въ Петербургѣ мы съ матушкой навѣщали нашихъ родственниковъ и знакомыхъ Русскихъ, бывавшихъ у насъ въ Веймарѣ. Особенное удовольствіе доставляло мнѣ видѣть князя В. Ѳ. Одоевскаго; я любила его многостороннее образованіе, которое свидѣтельствовало о его трудолюбіи.

20-го Октября (1-го Ноября). Мы поѣхали навѣстить нашего дядю Михаила Измайловича Богословскаго*), къ которому всѣ мы относились съ особеннымъ почтеніемъ. Нельзя было сказать, чтобъ онъ когда-нибудь былъ грозенъ со мною; напротивъ онъ, по своему, встрѣчалъ

*) О протоіереяхъ Рожественскомъ и Богословскомъ весьма любопытныя сообщенія въ Воспоминаніяхъ протоіерея И. И. Базарова, въ „Русской Старинѣ“ 1901 года. П. Б.

меня всегда ласково и любезно; но въ его характерѣ было что-то суровое, желѣзное, что̀ меня невѣдомо почему всегда пугало; подобнаго характера я еще не встрѣчала, и вотъ почему не знала, какъ его понять. Кромѣ того, очень тяжело было видѣть страхъ, съ которымъ къ нему относились его дѣти; они росли безъ матери, такъ какъ тётенька скончалась, когда всѣ они были еще очень молоды, и можно сказать, что ихъ молодость прошла очень серьезно и грустно. Съ годами онъ сталъ мягче, но того, что̀ было ничѣмъ не уничтожишь.

Въ скоромъ времени весь городъ облетѣла вѣсть о кончинѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны; она скончалась въ 8½ часовъ утра. Врачи (сперва Мантъ, потомъ Карель) лѣчили ее отъ легкихъ и отъ сердца, такъ какъ она страдала сильными сердцебіеніями; вскрытіе тѣла показало, что и сердце и легкія были совсѣмъ здоровы, а вся болѣзнь сосредоточена была въ кишкахъ. Карель былъ въ такомъ отчаяніи отъ своей ошибки, что оставилъ службу и поѣхалъ на нѣсколько лѣтъ за границу, чтобы опять учиться. Послѣ смерти лейбъ-медика Енохина Государь Александръ II призвалъ къ себѣ на его мѣсто Кареля.

26-го Октября (7-го Ноября). Я опять была въ Царскомъ у А. Ѳ. Тютчевой и у нея познакомилась съ ея сестрой, Даріей Ѳеодоровной, фрейлиной при Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Она очень напоминала своего отца, Ѳеодора Ивановича Тютчева, отлично владѣла языками и любила кокетство разговора. Къ несчастію, она была очень болѣзненна и много лѣтъ страдала.

Въ Царскомъ меня провели въ Александровскій дворецъ, гдѣ на парадномъ катафалкѣ почивала усопшая Императрица. Катафалкъ окружало дежурство изъ фрейлинъ и военныхъ чиновъ, и все на меня произвело тяжелое впечатлѣніе.

28-го Октября (9-го Ноября). Я навѣстила госпожу Штуббе*), которая, какъ пѣвица, была на службѣ у Великой Княгини Елены Павловны. Она предложила мнѣ пріѣхать на слѣдующій день смотрѣть изъ оконъ Михайловскаго дворца на печальную церемонію перевозки тѣла въ Бозѣ почившей Императрицы въ Петропавловскую крѣпость.

---

*) Нынѣ вдова А. А. Абазы. П. Б.